

Мария Милюкова

Как взбесить
Анубиса!

18+

Мария Милюкова

Как взбесить Анубиса!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73162683

SelfPub; 2026

Аннотация

Если получила приказ вывести из себя самого Анубиса, выполняй задание осторожно и готовься к последствиям. Мечь бога загробного мира может быть очень изящной и изощрённой, но его интерес и симпатия ещё страшнее! Не открывай своё сердце, девочка, боги не умеют любить.

От автора: Легкая, жаркая, юмористическая и немного темная история о любви Анубиса.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Милюкова

Как взбесить Анубиса!

ПРОЛОГ

От автора:

Во Вселенной нет ничего постоянного кроме самого Времени!

Никто не знает, как всё было на самом деле, как строились пирамиды, как выглядел Сфинкс до разрушения и потопа, какие законы и правила действовали до и во времена фараонов. Есть только гипотезы: скорее всего, вполне возможно, очевидно что...

Я расскажу вам одну историю. Она не приоткроет тайны прошлого, не заставит переосмыслить уже открытое. Эта история бездоказательна и ничем не подтверждена, но и опровергающих фактов вы тоже не найдёте, – пески давно поглотили правду и очень неохотно раскрывают тайны археологам.

Итак, хотите – верьте, хотите – нет, но дело было так...

{Зал Двух Истин. Вход в Дуат.}

В зале Двух Истин царил полумрак. Тени плясали на каменных статуях Маат, заставляя ожидавшего суда человека

нервно прикусывать губу. Если бы не рука Анубиса, крепко сжимавшая его плечо, он бы, наверно, уже давно свалился на пол. Ужас, сковавший тело, оказался сильнее осознания того, что он умер. Совсем умер. Окончательно. Бесповоротно. Вот он жил, дышал, веселился, а потом резко заболело в груди, и наступила чернота. Следующее, что он помнил – огромный зал с колоннами, люди в одеждах богов и боль в руке от крепкой хватки Анубиса.

Боги говорили. Но как бы человек ни старался, понять ничего не мог: их голоса будто звучали и одновременно не существовали, напоминали мелодию, но казалось, звуки можно было потрогать руками. Он не мог даже толком разглядеть самих богов, понимал, что прекрасная Маат сияет ярче солнца, а серебряноволосый Тот лучится магическим светом, но стоило только задуматься, попытаться приглядеться и перед глазами будто начинала кружиться вода, смазывая изображение. И только эбонитово-черный Анубис был реален. Человек чувствовал железную хватку его пальцев и даже слышал дыхание под маской пустынного золотого волка.

Знания поступали частями. Человек осознавал только то, что ему дозволено было узнать, то, что мог воспринять крошечный неразвитый мозг: его погребение прошло успешно; Родственники сделали всё по правилам, – подготовили тело, прошли похоронной процессией по мосту, собрали для загробной жизни все нужные для загробной жизни вещи, – начиная от одежды с посудой и заканчивая оружием, золо-

тыми украшениями, мебелью, животными и... Человек закрутил головой: а где его жена? Где молодая жена, с которой он только-только скрепил узы брака?! Они даже до кровати дойти не успели, сердце прихватило где-то у спальни. Но по его последней воле, девчонку должны были замуровать в саркофаге с его телом, чтобы он мог насладиться ею после смерти. Где она? Где его ясноокая красавица?

Человек только краем глаза заметил очертания женской фигуры, успел даже облизнуться, но потом в его сознании вспыхнул образ весов – тонкой работы, с двумя чашами и письменами языка богов на основании. На одной чаше лежало сердце. Его сердце. Оно всё ещё билось – тук-тук, тук-тук. Биение эхом разносилось по зале Двух Истин, отмеряя его время. Время, которое уже кончилось.

Медленно спланировало на вторую чашу тончайшее белое перо. Невесомое. Лёгкое. Прекрасное. Спланировало и осталось лежать. Весы даже не покачнулись.

– И что это значит? – Забеспокоился человек.

– Что ты был очень плохим мальчиком, Хагер. – Еле слышно выдохнул Анубис ему в спину. – Очень плохим.

Вопль ужаса заглушил шепот бога мертвых. Что будет с человеком дальше, Анубиса не интересовало: Аммут сожрёт его сердце раньше, чем несчастный осознает весь ужас этого действия. Хотя, положи руку на сердце, для Анубиса это наказание казалось даже мягким: человечешко оказался мерзким. С такими похотями, что даже у него сердце хо-

лодом обливалось. Дары для Хагера он видел своими глазами: несчастных животных, которых тащили на убой, игрушки для удовлетворения низменных желаний и его последнюю жену – совсем молодую девушку. Вернее, её тело: несчастная ушла в Дуат на своих условиях. Хотя по воле Хагера, её должны были запечатать с ним в саркофаге ещё живую.

– Анубис? – Голос Тота был тихим, но встревоженным. – Это ты провожал его жену?

– Разве не ты? – Анубис отвернулся от весов и потрясённо уставился на маску ибиса, за которой прятались синие глаза бога мудрости.

– Я взвешивал девушку. Но она не было женой ...этого.

– Но была в мастабе* (*гробница для зажиточных людей) с его телом?

Тот не ответил. Да и не надо было: Аммут разберется с мужской половиной новобрачных, а ...узнать, как получилось, что под видом жены в Чертоги Осириса попала другая душа, – задача Анубиса.

– Твои не могли что-то напутать?

Анубис сжал кулаки: его остолопы могли! Ещё как могли! Иногда складывалось ощущение, что у жрецов под капюшонами звенели только пустые черепа без мозгов.

– Разберемся. – Твёрдо произнёс Анубис и, развернувшись, покинул зал.

Накладки случались крайне редко, но всё же случались. Главное, удержать равновесие. Надо устроить взбучку жре-

цам, найти пропавшую девчонку и передать ее на суд Маат. Тогда всё встанет на свои места.

Ему было даже жаль бедную душу несостоявшейся жены старого развратника, она попыталась обмануть смерть, и у неё почти получилось сбежать.

Но Анубиса не обманешь. И от него не сбежишь.

ГЛАВА 1

{Та-Кемет. Некрополь.}

Анубис вышел на улицу, выдохнул, сдерживая ярость, и, пройдя вверх по ступеням, остановился на каменной площадке входа в некрополь. Солнце горячими лучами, казалось, подсвечивало сам воздух. Свет слепил, отражался от травы и отполированных плит дороги. В синем небе носились птицы, шумели листьями деревья, качали бутонами цветущие кустарники. Та-Кемет радовался новому дню, а Анубис был мрачнее тучи. Эбонитовая тьма магии загробного мира покрывала его кожу и будто даже сейчас, в полдень, ехидно ухмылялась – смотрите, люди, и не забывайте кто перед вами. И пусть не отвлекают вас золотые пластины на доспехах и маске, что сверкают чуть ли не ярче солнца, он – проводник самой Смерти!

Анубис мельком взглянул на вход в некрополь, до хруста сжал пальцы в кулак, – пустоголовые жрецы всё же что-то напутали! Никто из них не сознался в подмене тела, но факт оставался фактом – невеста оказалась с душком. Во всех смыслах. Тело, помещенное в мастабу усопшего Хагера, уже подверглось мумификации. Кривой, надо сказать, сделанной наспех, хоть и с заметным старанием. Даже неопытному жрецу хватило бы одного взгляда, чтобы заметить ошибки. Но ведь не взглянули, не обратили внимания!

Анубис закрыл глаза. Надо найти пропажу. Девчонка не могла далеко уйти, она где-то здесь, в Та-Кемет.

– От твоих воплей разве что земля не вздрагивала. – Раздался слева от него спокойный знакомый голос.

Анубис посмотрел на Атума и еле заметно оскалился. Смотрит прямо на солнце своими синющими глазами и даже не щурится. И ходит тише кошки. Не того бога называли Бастет.

– За дело. – Отозвался он. Потому что знал, – Атум его не обвиняет, не придирается, просто констатирует факт. У всех богов есть недостатки, у Атума – отсутствие эмоций. Он при всём желании не смог бы понять ярость Анубиса, как и посочувствовать ему. Непрошибаемая безэмоциональная скала! Будь у него хотя бы вполовину такие стальные нервы, может, учить жрецов было бы проще. Пока его окружали только безрукие болваны с пустыми канопами (*канопы – сосуды для хранения органов при мумификации) вместо черепов, никаких нервов не хватит на их обучение!

Так они и стояли: один вглядывался прямо в полыхавшую на небе звезду, второй скрывал лицо под маской шакала. Они были разные, – свет и тьма, жизнь и смерть, но всегда смотрели в одном направлении.

– За дело... – Задумчиво повторил Атум. – Твои эмоции тебе мешают.

Анубис хрустнул пальцами, но огрызаться не стал. Он всегда понимал бога мудрости, прощал ему многое, особенно

– непрошенные советы. Атум влезал в его жизнь не со зла, а ради любопытства, может, где-то в недрах души он даже испытывал к нему что-то похожее на привязанность. Тьма задери, Атум едва ли знает, что такое злиться, о какой привязанности может идти речь?!

– Иногда только хорошая порка их стимулирует. – Попытался оправдаться Анубис. – Они не развиваются без давления.

Атум глянул на маску шакала. В синих глазах сверкнуло солнце и любопытство:

– Не согласен. Информация, поданная спокойным тоном, снижает стресс и запоминается лучше.

– Уж согласишься, – усмехнулся Анубис. – Это я учу людей. И некоторых из них хочется мумифицировать вживую, настолько они тупы.

– Пари! – Оживился вдруг Атум. – Десять... Нет, четырнадцать восходов солнц, что ты не выдержишь и сорвешься на какого-нибудь человечка.

– Чего? Пари? Ты серьезно?

– Принимаешь? Или согласен, что из тебя отвратный учитель?

Анубис застыл. Рука дёрнулась ущипнуть себя же за руку: Атум предложил пари? Это как если бы он решил поиграть? Он же никогда не лез в дела пантеона, с чего вдруг такая заинтересованность?

– Четырнадцать солнц? – На всякий случай переспросил

Анубис.

– Четырнадцать. – Кивнул Атум.

– Пари на то, что я не прибую кого-то из учеников?

– Из людей. Всех людей. Не прибьешь, не разорвешь, не наорешь. Будешь душкой, милым и спокойным. Как я.

Тишина. Только жарило солнце да шумели пальмы. Где-то в листве хохотал ибис.

– И что мне за это будет? – Отмер Анубис.

– Проиграешь, отдашь мне что-то своё на мой выбор. Выиграешь, возьмешь что-то моё.

Анубис рассмеялся. В маске его смех казался глухим и зловещим. Будь сейчас здесь жрецы, попадали бы на колени с писком.

– На что мне твои игрушки, Атум? Мудрыми книгами завалена и моя библиотека.

– Я так и знал, – твои эмоции управляют тобой, и ты не в силах с ними совладать. – С горечью произнёс синеглазый гигант и снова уставился прямо на солнце. Если бы не маска шакала, он увидел бы, как нехорошо в этот момент улыбнулся Анубис, как запылала в его глазах ярость. Атум никогда и ничего не делал просто так, им двигал только холодный расчёт. Если ему нужен какой-то камень из его сокровищницы, мог бы просто попросить. На кой такая сложная схема?

– Согласен. – Анубис протянул руку. Атум схватил его за предплечье, сжал, заглянул в глаза через прорези в маске. Ого, сколько предвкушения в его взгляде! Не знай он, что

бог мудрости – бесчувственный истукан, решил бы, что всё это время он просто скрывал свои эмоции.

– Четырнадцать солнц, Анубис.

– Четырнадцать солнц, Атум.

– Что-то моё или твое на выбор победителя.

– На выбор.

Пари было заключено. Апофеозом стал невероятный грохот: внутри некрополя что-то взорвалось, из дверей повалил густой черный дым. Заорали люди.

Атум посмотрел на Анубиса. Анубис на Атума.

– Наорёшь на безруких людишек? – С усмешкой спросил бог мудрости.

– Ну что ты, – сквозь зубы прошипел шакал. – Как можно?

Я же сама доброта...

И потопал в некрополь, до хруста сжимая пальцы в кулак. И зачем он согласился подыграть этому синеглазому пройдохе? Не позеленеть бы от ярости за четырнадцать-то дней!

Атум проводил взглядом взбешенного Анубиса, поманил слугу пальцем и тихо приказал:

– Вели прислать в мои покои Табию. Игра началась.

{Иуну – Город Столбов. Покои Атума.}

Я – Табия: пятьдесят килограмм авантюризма и невнимательности, волосы темные, глаза карие, худая как росток финиковой пальмы. Когда боги раздавали женские прелести и округлости, я, видимо, стояла в очереди за любопытством

или обчищала чужой сад с финиками. Мое имя чаще всего переводится как «талантливая». Что есть, то есть – я талантливо бешу людей и вляпываюсь в неприятности. Если мы с ребятами лезли в чужой сад, то ловили только меня. Не потому что я медленнее всех бегаю, просто обязательно провалюсь в яму или платье запутается в ветках. Если ибис решит пролететь над площадью, то именно надо мной он выронит из когтей дохлую лягушку. Лягушка попадёт мне по макушке, я свалюсь на какого-нибудь торгоша, торгош перевернет лоток с фруктами, фрукты покатаются по земле и прямо под паланкин* (*паланкин – крытые носилки на двух жердях) какого-нибудь уважаемого человека; Уважаемый оскорбится и велит всыпать мне пять плетей, я побегу (а кто бы ни побегал?!) и ...провалюсь в яму с таким содержимым, что даже верные шемсу* (*спутники/охрана/слуги) меня пожалеют. Я – ходячая катастрофа! Я выбешиваю людей по щелчку пальцев. И я попала...

Всё случилось месяц назад. Я бродила по рынку, когда Хагер пришел описывать товар. П[и]сец – хорошая должность, уважаемая. И если такой уважаемый человек чего-то хотел, он это получал. Захотел он меня. Что сказала родня, когда в наш дом пришла сваха? Табия, это шанс, – вот что сказали мне они, – шанс стать уважаемой женщиной, шанс обрести власть, поумнеть и сменить, наконец, штаны на мягкий калазирис. А еще это шанс обеспечить образование младшему брату. Я не согласилась. Но и не отказалась. Просто приняла

свадьбу как нечто неотвратимое.

А потом Хагер умер. Схватился за грудь на пороге нашей спальни, посинел, выплюнул пену и умер. Я плохо помню тот вечер. Только черное небо и яркие звёзды, круглые от ужаса глаза брата и его шепот: «Я читал его завещание! Я не позволю! Слышишь меня, не позволю!»

Потом были меджаи, допросы и процессия переноса тела в некрополь, слова сочувствия и шепотки за спиной. Гъяси сделал так, чтобы для всех я считалась мертвой. Где мой брат взял тело, откуда выкопал и кого положили в саркофаг вместо меня, я не знаю. Но я очень старалась провести ритуал мумификации для этой бедняжки как можно тщательнее. Я действительно старалась. И я думала, что спаслась. Все, кроме брата, считали меня мёртвой, впереди была целая жизнь под новым именем и зелёные просторы Та-Кемет!

Есть старая поговорка: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах». Мне даже рассказывать не пришлось, – Атум знал всё. И вот я стою в его покоях и думаю лишь о том, что подвела всех. И в первую очередь брата. Он пошел на невыносимое ради меня, – подтасовка улики, замена тела, осквернение мастабы. Двух, если предположить, что одну он разграбил ради подменного тела. Хорошо будет, если его просто изгонят с позором!

– У меня к тебе будет небольшое поручение. – Мягко произнёс Атум. Сам Атум, Бог мудрости, великий, могущественный и... от страха я даже забыла, как правильно обра-

щаться к синеокому владыке. Мне упасть ниц прямо тут? Я бы с удовольствием, только ноги не слушаются. Одеревенели и даже не сгибаются! Как кивнула-то, понять не могу!

– Тебе нужно вывести Анубиса из себя. Любыми способами.

– К-как? – Попыталась спросить я.

– Просто будь собой. – Спокойно подсказал он. – А взамен-ен... Чего ты хочешь, Табия?

– Брата! – Словно очнулась я. – Защиту для брата и семьи. Они не виноваты, это всё я!

– Интересно. А для себя что-то хочешь попросить?

– Умереть быстро. – Определилась я. Потому что вывести из себя бога мумификации – последнее, что можно сделать в жизни. Про Анубиса говорят одно и то же: он безобразен, потому постоянно ходит в маске шакала, он злопамятен, потому ему на глаза лучше не попадаться, он хитёр и изобретателен. Особенно в пытках. Он – бог смерти. И раз уж мне суждено умереть, то пусть это будет на моих условиях.

– Умереть быстро, справедливый суд Маат и свободу от завещания Хагера. – Быстро перечислила я.

В глазах Агума сверкнуло что-то холодное и тут же исчезло. Я слишком многое прошу и вконец обнаглела? Возможно. Но мне и терять особо нечего.

– Четырнадцать лун, Табия. За это время ты его разозлишь так, чтобы воздух сверкал.

Я кивнула.

– Взамен я лично прослежу за благополучием твоей семьи, встану на защиту брата, если такое потребуется, и буду рядом с тобой в зале Двух Истин.

– Без завещания Хагера. – Напомнила я.

– Без завещания Хагера.

– А если у меня не получится?

– Не думаю, что ты хочешь знать о наказании. Старайся лучше. Чтобы точно получилось. – Равнодушно заметил Атум и махнул рукой.

Разговор был закончен.

Мне осталось жить четырнадцать лун.

Или и того меньше. Это смотря насколько сильно я взбешу Анубиса!

ГЛАВА 2

{Саккара. Покои Анубиса. День 1.}

– Есть кто дома? – Заорала я, пинком открывая дверь. – Хватит спать, дел много! Кто не одет, я не виновата!

Проорала и зажмурилась, ожидая сокрушительного удара. Сердце билось раненой птицей, ладони вспотели, глаза заболели, а смертоносной оплеухи всё не было. Как такое может быть? За одни только эти слова (я, между прочим, со вчерашней ночи смелости набиралась, чтобы такое вытворить!) меня следовало казнить, оживить и снова казнить.

Может, великий Анубис так обалдел от моей наглости, что запутался в вариантах моего усекновения?

Я приоткрыла один глаз. Затем второй. И никого! Зря орала!

Покои бога мумификации были ...странными для бога мумификации. Ни тебе останков тел на стенах, ни каноп с органами, ни полосок ткани для обертывания. Ни самого бога.

Выходит, смерть моя откладывается?

Я прикрыла дверь и осмотрелась, с любопытством заглядывая в каждый угол: полотно из тончайшего белого шелка развевались у окна, в мягком красном ковре утопали ноги, пуфики и столик с резными ножками прикорнули в углу, зазывая на «подремать и расслабиться». За занавесками пря-

тался широкий балкон, – барельефы, завитушки и искусно вырезанные перила, вазы с цветами, кустами и целыми деревьями. А внизу раскинулась Саккара – прекрасный зеленый город. Люди казались крошечными, не больше мизинца, сновали туда-сюда, что-то переносили, смеялись. А на горизонте сверкающими вершинами подпирали восходящее солнце пирамиды.

Я вернулась в комнату, заглянула в следующие покои – спальня. И даже не саркофаг стоит, а обычная кровать, хоть и поистине гигантских размеров. И снова повсюду хлопок, цветы, ковры. Может, я ошиблась и это комната какой-нибудь служанки? Тогда где ароматные масла и одежда? Где предметы, так нужные каждой женщине?

– Интересно. – Прогромыхало за моей спиной.

Я пискнула, охнула, развернулась, осмотрела эбонитово-черную с золотом фигуру, застывшую в проеме, впечатлилась маске шакала (не уши, а рога буйвола, честное слово!) и выпалила первое, что пришло на ум:

– Испугалась я, а интересно ему..!

Анубис сложил руки на груди, наклонил голову, вглядываясь в меня. Я молчала. Потом поняла, что надо что-то сказать перед смертью и представилась:

– Табия. Новая служанка.

– Вот как. А старая где?

Где старая? Надо подумать.

– Ушла. – Я махнула рукой, показывая направление. На-

правление получилось неопределенное. – Туда ушла. Говорит, больше не вернётся. Теперь я за неё.

Анубис покачал головой, шагнул ко мне, – я быстренько зажмурилась: ну, вот и всё, встречай меня, прекрасная Мат! – и прошел мимо, едва задев плечом. Показалось, что от этого прикосновения сердце перестало биться, а ноги приросли к полу.

– Так и будешь тут стоять? – Глухо поинтересовался мне в спину бог смерти.

– Нет. Да. Возможно. – Я снова открыла глаза. – Охо-хо...

– Та-би-я, – нараспев произнес Анубис. Мне в затылок. А я поняла, что ему даже не стоит утруждаться и доставать острый хопш* (*холодное оружие с клинком серповидной формы), я прекрасно помру самостоятельно от ужаса. Или от стыда! Возьми себя в руки, Табия, не будь идиоткой! Твоя задача вывести его из себя, а не убедить в своей неадекватности!

– А-ну-бис?.. – откликнулась я и снова зажмурилась: на этот раз точно повезёт! Я ведь даже не жрец, чтобы обращаться к богу мумификации по имени и без пресловутой «О».

– И как, звучит?

Я выдохнула. Сообразила, что мне задали вопрос, повторила его имя несколько раз, будто пробовала на вкус, и честно призналась:

– Да. Красивое.

Бог смерти усмехнулся. Светом клянусь, усмехнулся! И, судя по звукам, отошел от меня сразу на другой конец комнаты.

Что такое? Почему я еще жива? Все планы верблюду под хвост!

– Какие-то указания будут? – Я развернулась на пятках и уставилась на бога мумификации: не трусить, не опускать взгляд, бесить качественно!

– А что, старая служанка тебе их не оставила?

Эм-м... Быстро отвечай, не думай!

– Она убежала и даже не оглянулась. И так?

– Ужин после захода солнца, – принялся перечислять Анубис, не прекращая что-то искать на столике.

– Мясо, рыба, люди? – С непроницаемым лицом уточнила я.

– Фрукты. – Огорошил меня Анубис и вышел из спальни. Фрукты? Серьезно?

Я понеслась за ним, не особо чувствуя пол под ногами.

– А пить? Финиковый сок, молоко, кровь девственниц?

– Вода.

Анубис скрылся на балконе. Я резке сменила траекторию бега, влетела в занавески, запуталась, отчаянно замахала руками, высвобождаясь из хлопкового плена:

– Что еще? Особые предпочтения?

– Я люблю тишину, Табия. Это будет не сложно для тебя, я надеюсь?

– Тишину? Без проблем! Ни одной проблемы! Я тиха, как тушканчик! – Я выбралась, наконец, из вороха занавесок, нашла Анубиса взглядом и тут же прищурилась: солнце отражалось от золотых пластин его одеяния и слепило глаза. – Вы меня не увидите и не услышите! Где Табия? А нет меня. Вот такая я тихая...

– Что-то сомневаюсь. – Тихо проворчал он. Или мне показалось? Маска искажала звуки, я могла не так понять его слова. Могла же?

– Табия?

– Я. Табия – это я.

– Ты всё запомнила?

– Я? Всё! Совершенно всё. Всё будет в лучшем виде! И еда, и питьё, и тишина, всё будет!

Анубис вздохнул. Тяжело так вздохнул. И прошёл мимо меня, через комнату, к выходу. Захлопнулась дверь.

Я плюхнулась на пол, поднесла к лицу руки – пальцы дрожали. Да и ноги тряслись. Я была жива. Даже сердечный удар не поймала. Вот это у меня здоровье оказывается!

А бог смерти оказался очень терпеливым, – занят был, наверно, своими божественными мыслями. Но ничего, ничего, Табия, впереди ужин. Будут ему и фрукты, и вода, и тишина.

Анубис шёл по коридору и задумчиво рассматривал длинные лёгкие занавески. Ткань волновалась под лёгким ветром, то вздувалась пузырьём, то втягивалась в огромные ок-

на. Красиво, необычно, будто дышал сам воздух. Странно, никогда этого не замечал. Как не замечал у людей такого удивительного цвета глаз: серо-зелёных, с россыпью песчинок такого тёмного цвета, что они казались почти карими. Но стоило девчонке выйти на солнце, как глаза приобретали голубой оттенок. Та-би-я... Красивое имя. И девчонка тоже красивая, – худенькая, остроносая. Пыжилась изо всех сил, старалась грубить, а сама разве что сознание от страха не теряла. Смелая, маленькая человечка...

Почему Атум выбрал её? Под руку подвернулась? Возможно. Но в том, что она – часть игры, – Анубис не сомневался: только заключили пари, как тут же является эта Табия и с порога начинает дерзить и врать. Если бы Атум подготовился чуть лучше, знал бы, что никакой «старой» служанки у него не было: только в своих покоях он может снять маску, и лишние свидетели ему не нужны.

Что ж, пари есть пари, подыграем.

Некрополь встретил его блеском стен и маревом, поднимающимся от раскаленных камней. Анубис провел кончиками пальцем по гладкой поверхности облицовочных плит и довольно улыбнулся: его детище, – сильное, мощное, пропитанное магией от основания первого яруса и до самой крыши. Здесь он обучал жрецов мумификации и хранил древние книги, здесь находился переход в зал Двух Истин. И только здесь он чувствовал себя спокойно. Потому что измениться может всё в любой момент, и только смерть постоянна. Он

постоянен.

Анубис взглянул на солнце, игриво запутавшееся в ушах каменной статуи, увековечившей одну из его ипостасей, – золотого волка, – и уверенно зашёл в некрополь, – пора искать пропажу.

Прохлада, ровный свет фонарей; Его шаги отражались от стен гулким эхом. Он знал, жрецы их слышат. И сейчас панически поправляют одежды, шепчутся, выбирая того самого смельчака, что озвучит плохую весть. Даже две: тело подложной невесты не опознано, тело настоящей – не найдено. Кто бы сомневался!

– Говорите. – Анубис вошел в зал, едва взглянув на остолбеневших жрецов.

– Ищем, о Анубис..!

Ответ позабавил и заинтересовал. В интонации совсем молодого жреца было столько чувств, что даже он смог уловить почти все: страх, вызов, решимость, ложь. Ложь! Он почувствовал её на языке так отчетливо, будто выпил лимонный сок.

– Имя. – Остановился он.

– Гьяси, о Анубис...

Гьяси – новенький. Всего несколько лун как его допустили до некрополя. Старательный, но не изворотливый. Такие жрецы тоже нужны, – в основном, для монотонной работы.

Анубис развернулся корпусом и навис над съёжившимся жрецом. Ищут они, посмотрите-ка!

– И как же вы ищете мою пропажу?

Как ни пытался Анубис контролировать свой голос, нотки злости всё же пророснули. Жрецы, расслышав их, рухнули на пол, изобразив вокруг бога мертвых белые барханы. Смешно.

– Опрашиваем недавно усопших, о Анубис, проверяем записи, о Анубис... – Залепетал Гьяси, на глазах теряя румянец.

– Опрашиваете усопших? Сами?

– Родственников, о Анубис. – Окончательно побледнел жрец.

Бог мертвых склонил голову, внимательно осмотрел юного ученика: что-то скрывает, определенно. И боится его. Это правильно, – богов надо уважать. Но до этого дурацкого спора с Атумом, он даже не представлял, НАСКОЛЬКО велик страх людей. Почему-то захотелось вернуться в свои покои и снова поговорить с Табией, – она боялась не так сильно. И пыталась смотреть ему в глаза, – неслыханная дерзость. Говорил же, смелая!

Анубис сжал пальцы, развернул плечи, осмотрелся. От его внимательного взора не укрылся замаскированный хаос: разводы копоти на стенах жрецы пытались прикрыть факелами и золотыми статуями, несколько глиняных черепков обиженно тарасились из-под столика для канопов. Догадаться было легко: кто-то из этих оболтусов оставил рядом с чашей огня ткань и сосуд с маслом? Огонь перекинулся на тряпицу, и

летучие пары взорвались? Вместе с чашей, судя по осколкам.

– Отмоем, о Анубис! – Завопил один из жрецов.

– Отчистим! Отскребём! Отдраим! – Подхватили остальные.

Атум, хитрый ты проидоха, твоё пари бесит даже больше, чем безрукие ученики!

– И чего тогда ждём?

Жрецы бросились врассыпную, похватали тряпки, забежали, сталкиваясь лбами. Кто мешал им привести зал в порядок, пока он отсутствовал? Страх, гордость, мнимая безнаказанность? Атум и их подговорил, чтобы свести его с ума? Нет, в некрополь бог мудрости не сунется, он же умный, Тьма задери! А вот подослать человека в его покои – это в его духе.

Та-би-я... Сегодня его тянуло в Саккару. И почему-то хотелось фруктов.

Анубис развернулся и вышел на улицу, не проронив ни слова. Только эбонитово-черная Тьма, обнимавшая его тело, волнами расходилась по коже, выдавая настроение.

Завтра. Завтра он приступит к поискам. Сам. А сейчас его ждёт ужин.

До Саккары добрался быстро. Уже в коридоре поймал себя на мысли, что невольно прибавляет шаг. Замер на несколько мгновений, уловив незнакомую эмоцию, удивился, когда понял, что волнуется. Потом удивился тому, что удивился.

Как странно. Необычно. Но ему нравилось это чувство... предвкушения.

Анубис улыбнулся. Покачал головой. И... открыл дверь в свои покои.

– Тьма меня задери! Табия?! ЧТО ЭТО?!

{Саккара. Покои Анубиса. Вечер. День 1.}

Фрукты, вода и тишина, значит?

Что я усвоила с самого раннего детства, так это то, что месть и ложь должны быть основаны на правде и фактах. Поэтому ужин для Анубиса я приготовила собственными руками и строго по заявленному списку: собственноручно сложила финики и манго на поднос, налила в кувшин воду, погасила часть свечей, чтобы создать полумрак, и ушла в спальню. Готовится. Потому что я – женщина, а он – мужчина. А как встречает женщина мужчину после рабочего дня? Правильно – во всеоружии!

Мой план был прост – соблазнить бога мумификации изо всех сил, а когда он сдастся под моими чарами, взять и посмеяться над размером его мужского ...самолюбия. Да за такое ни один мужик по головке не погладит! Я даже знала, что меня ждёт: оторопь на несколько мгновений, а потом сразу «здравствуй, богиня Маат!»

Но готовиться надо было очень тщательно. Анубис – один из самых скрытных богов в Та-Кемет. Он не устраивал игрищ и оргий, не приглашал в покои женщин, не участво-

вал в пирушках. Даже на званые вечера приходил с неохотой, выслушивал вступительную приветственную речь и сразу же убегал в свой некрополь. А значило это только одно – женщины этого мира его не интересовали, потому что были очень страшными, – на вкус бога мумификации естественно. Ему подавай загробную жизнь, недаром он чуть ли не поселился в своём некрополе.

Вооруженная фактами, я взялась за дело: заменила легкие серебристые занавески кроваво-красными полотнами, принесла с рынка (видели бы вы глаза шемсу, когда я тащила мимо них кувшин) потроха и аккуратно развесила кишки животных по статуям и перилам балкона, – красиво получилось. Если представить на их месте гирлянды из цветов. Сбегала на скотобойню, отобрала три более или менее целых черепа коз и расставила их по столам в углах комнаты. Подумала и внутрь каждой засунула по свече. Как только в пустых глазницах загорелось пламя, стало совсем идеально. Ух, жутенько! Думаю, Анубису понравится!

На дополнительное украшение покоев воображения не хватило, и я побежала в спальню, – краситься! Как там выглядят усопшие?

Кожу пришлось белить глиной, добытой в серебряных рудниках, глаза подводить стружкой голенита. Получилось красиво, – не подойдет! Я растерла ровные стрелки, превратив их в два замечательных синяка, – вот так лучше, изда- лека так и вовсе кажется, что глазницы уже стали западать

в череп. Добавить глины, чтобы прямо натуральная белизна получилась. Еще добавить. Далее очередь самого неприятного, – выжала луковый сок и закапала в глаза и нос. Повыла. Поохала. Поревела. Почихала. Потом снова поревела. А когда зрение вернулось, имела счастье лицезреть такие красные и опухшие от слез щелочки, что даже мне страшно стало.

С одеждой было проще всего – обмотала тело полосками ткани и готово. Было одно «но» – усопшие не передвигаются, их как замотали, так они и лежат. А у меня при каждом шаге ткань начинала раскручиваться и путаться под ногами. При этом оголяя такие части тела, которые только мужьям и показывают. Но я и тут нашла выход – завязала концы полос премиленькими бантиками. Получилось семь штук, выглядели они из самых неожиданных мест, но что поделать, – красота загробного мира требует жертв.

Волосы. Вот тут было сложно. Золотых масок и украшений у меня не было, брать их было не у кого. Я попыталась завернуть тканью голову, но:

Дышать становилось нечем.

В темной комнате и так ничего не видно, а с этой маской и вовсе становилось невозможно что-либо рассмотреть.

Я всё же попыталась пройтись по спальне, но сразу же споткнулась о кувшин. Кувшин упал, остатки внутренностей с противным чпоком вывалились на ковер. Я полетела следом, – как оказалось потроха такие же скользкие, как и масло, – ударилась, вымазалась в кровище и кишках, приобрела

«чудесный» аромат, унюхав который снова начала рыдать и чихать.

Мыться было некогда, пришлось импровизировать – смазала волосы ореховым маслом, разделила на пряди и уложила их так, будто на мне были и ленты и украшения. В зеркало на себя смотреть не стала, я не Анубис, от такой красоты и помереть могу. А мне помирать самостоятельно никак нельзя, договор был не такой.

Итак, женщина была готова. Осталось малое, – дожждаться мужчину.

Ждать пришлось недолго, – не успело солнце скрыться за красными песками, как дверь открылась.

– Тьма меня задери! – Услышала я удивленный возглас.

Ага, выходит, всё же можно угодить богу мумификации!

– Табия?! Что это?!

Очень хотелось выскочить из спальни, как крокодил из Нила с воплем «Сюрприз!», но надо было придерживаться плана. Потому я просто взяла в руки один из черепов с горячей свечой внутри, и сделала шаг вперед, тихонько замерев в проёме.

Всё. Пусть любит.

Анубис меня увидел.

Анубис выдохнул.

Затем снова вдохнул.

Затем сделал странное движение пальцами, будто прогонял надоедливого москита.

Я улыбнулась. И протянула ему череп. Между прочим, правильно протянула, светящимися глазницами вперед, чтобы он точно оценил мои старания.

Анубис выдохнул еще раз. И тихо-тихо, нежно-нежно произнёс:

– Ты умом тронулась, Табия?

Понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чем он спрашивает. Зато когда до меня дошло-о..! Зачем ждать? Пора действовать!

– Люблю тебя! – Заорала я замогильным голосом и потрясла черепушкой. Свеча задёргалась, пламя задрожало, отчего показалось, что череп кивает.

– А-а-э... – Протянул могучий бог мумификации. – Ты... пахнешь, Табия. Что это за запах?

– Кишочки, кровушка, потрошка, – широко улыбнулась я. – Всё, как ты любишь. А теперь бери меня!

Анубис озадачился. На мгновение показалось, что даже у его маски вытянулась челюсть.

– Не понял. Куда?

– В постельку. – Выпалила я, похлопала ресницами и на всякий случай добавила. – У-у-у...

Мой замогильный вой должного эффекта не произвел ни на Анубиса, ни на его маску. Ну почему у меня ничего не выходит?!

– Ты страшная. – Спокойно заметил он. – И воняешь.

Держись, да? Пытаешься бороться?! Но я-то знаю, ка-

кими глазами ты на меня сейчас смотришь! Если они есть, глаза эти.

– Я буду твоей, о великий бог мумификации..! – Завыла я. Получилось отменно: от ужаса челюсть свело судорогой, потому последнее «и-и» вышло с повизгиванием и впечатляюще-блеющим.

– Табия, тот факт, что я проводник в мир мёртвых, не... Это не значит, что мне нравится ...это. – Явно подбирая слова, произнёс Анубис.

– Да?!

– Да. Умойся сейчас же. Целиком.

Я отставила черепушку на столик, вытянула губы в трубочку, убрала руки за спину и, немного подавшись вперед, поинтересовалась:

– А поселовать?

Тишина. Анубис не отвечал. Просто смотрел на меня. Вдох-выдох, вдох-выдох. Бешено колотится сердце. Сейчас, сейчас он сорвётся и всё закончится.

– Приведи себя в порядок. – Ровным голосом повторил он. – Я буду на балконе.

И вышел. На балкон. Нагло проигнорировав и занавески, и вонючие гирлянды, которые я с таким старанием развешивала. Никогда бы не подумала, что он обладает таким гранитным терпением! Может, если я подожду до ночи, а потом залезу к нему в кровать в таком виде, он наконец-то рассердится? Вполне возможно. Только надо было сразу так делать,

а не встречать его перед ужином. Пропал эффект внезапности, эх.

– Я жду, Табия.

Он ждёт.

Ладно. Ничего. Всё хорошо. Переходим к пункту «два».

Та-би-я... Удивительная, сумасшедшая, смешная. От этой девчонки со странным цветом глаз никогда не знаешь, чего ожидать. Это ж надо такое придумать, – встречать бога, притворившись трупом, – и как в голову-то пришло?

Анубис вдруг поймал себя на мысли, что улыбается. Ему было весело. Весело наблюдать за потугами Табии его разозлить, смотреть на изгаженные покои и то, как она морщит нос, стараясь не дышать, – смердела она знатно. Даже у него через маску слезу выбило. Бедная девочка.

– Я умылась. – Робко произнесла Табия за его спиной и неуверенно выскользнула на балкон.

Анубис развернулся и хмыкнул, сдерживая смех. Это она так умылась? О-ой.

Верхняя часть лица равномерно окрасилась в серый, жирные волосы паклями свисали на спину. Лоскуты она сняла и даже ополоснулась, но калазирикс из грубой ткани уже успел пропитаться от волос маслом и тарашился на Анубиса пятнами. Запаха стало меньше, намного, но так до конца он и не исчез. Вот сейчас Табия действительно походила на безвременно усопшую.

– Неплохо. – Зачем-то попытался поддержать девчонку Анубис.

Табия вскинулась, глянула прямо ему в глаза.

Анубис застыл. Он знал, что она не сможет увидеть его лицо, – маска бога мумификации идеально скрывала его внешность, но этот взгляд...

– Ещё подарки для меня будут?

– Фрукты и вода? – Осторожно предположила Табия.

– И тишина.

– Ну... – Девчонка задумалась, сделала шаг вперед, положила руку на перила, отставила ножку и выдала пронзительное: «А-а-а!»

Анубис поперхнулся. Стайка воробьёв с воплями сорвалась с крыши и заметалась над его головой. Затявкали шакалы где-то вдалеке. Вскрикнула женщина.

– Табия? – Ошалел Анубис.

– {Пойду тропами в сад инжировый,

Наберу воды у великого Нила-а-а,

Да обмажу тело масл[а]ми, эфирами,

Чтобы не пожрали меня москиты-ы-Ы-Ы-Ы!}

Анубис даже отступил на шаг, вгляделся в девчонку, старательно выводящую рулады. Вот это визг! Аж уши заложило!

– {Потрясу инжир вполсилы я,

Потому что воровка я искусная-а,

Только как объяснить теперь крокодилам,

Что я очень невкусная-А-А-А?!}

Воробьи не выдержали и попадали кто куда. Шакалы перешли на заунывный вой. Внизу начала собираться толпа, дабы послушать балконный концерт из покоев самого Анубиса.

– Ты мертвечиной что ли надышалась?

– А-а-а! Эх! – Махнула рукой Табия и топнула ножкой. – Невкус-на-я!

– Великолепно. – Охрипшим голосом заверил её Анубис.

Девчонка решили идти до конца? Выходит, она боится Атума больше, чем его? Что ж, он тоже умеет выбивать почву из-под ног.

– {Наберу я инжира в...}

Допеть Табия не успела, Анубис шагнул вперед, сграбастал её в охапку и швырнул в покои. Девчонка пролетела через занавески и шмякнулась в подушки, взвизгнула, охнула, завозилась, выбираясь из перьевого плена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.